

В ОСНОВУ РОМАНА ЛЕГЛИ
РАСЕКРЕЧЕННЫЕ АРХИВЫ ОГПУ

ЧЕКИСТЫ

ВОЛКИ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Чекисты. Волки Сталина

Сергей Зверев

Третий всадник

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Третий всадник / С. И. Зверев — «Эксмо», 2023 — (Чекисты.
Волки Сталина)

ISBN 978-5-04-189179-4

1933 год. Нижнепольская область бурлит. Народное недовольство растет. Кулаки лютуют. Переселенцы тысячами уходят в бега. Крестьяне с ног падают от недоедания и недосыпания. Замечены факты людоедства и грабежей складов. А началось все с того, что по сёлам стали шнырять какие-то люди с мандатом от заведующего сельхозотделом обкома партии Головченко. Ссылаясь на его приказ, они подчистую отбирали у крестьян продуктовые запасы. Причем, никто не знает, куда эта сельхозпродукция в итоге подевалась. Нет ее ни в районе, ни на союзных складах. Словно испарилась. Как, впрочем, и сам Головченко. Группе чекистов из ОГПУ во главе с закаленными бойцами Большаковым, Русаковым и Лифшицем поручена крайне опасная операция. Уже установлено место, где схоронился беглый партиец. Осталось лишь ворваться в его логово и взять мерзавца живым. Но, как оказалось, вовсе не Головченко оказался самым опасным врагом. А кто-то среди своих...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189179-4

© Зверев С. И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Иванович Зверев

Третий всадник

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

В книге использованы документы ОГПУ СССР. Большинство описанных фактов имели место в действительности в тот сложный период истории страны.

Глава 1

– Сорвете операцию, товарищ Сидоров, пойдете под суд, – бодро и доброжелательно объявил москвич Русаков.

Только вот от этой доброй бодрости нашего шофера всего перекошило.

– Да я тут при чем? – забормотал он испуганно. – Такой бензин куркули на базе залили! Он для мотора что спорынья для человека! Вот кого под суд надо! А мы все своими руками...

Похоже, испугался не на шутку и сам мотор. После очередных двух оборотов пусковой ручки он покорно завелся и теперь был готов выполнять все пожелания хозяев с преданной готовностью, как хорошо дрессированный пес.

– В автобус! – приказал Русаков группе толкущихся во дворе товарищей.

Вскоре новенький, но не слишком надежный автобус «АМО-Ф-15» на полтора десятка пассажирских мест выехал напрямик в темную звездную ночь за ворота нашего купеческого особняка. Кряхтя мотором, изнуренным некачественным питанием, он устремился по улице Юных Ленинцев на юго-восток Нижнепольска.

Не прошло и десяти минут, как мы затормозили на перекрестке Ворошилова и Цветочной, где двухэтажные рабочие бараки фабрики имени Клары Цеткин врезались в одноэтажную частную застройку. Как наглядный результат выполнения плана ГОЭЛРО, в прошлом году это место было освещено уличными электрическими фонарями.

– Мотор не глушить, – велел Русаков, а потом откинулся на дерматиновую спинку сиденья и начал насвистывать под нос что-то бравурное и жизнеутверждающее, вроде «мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Минут через пять он вытащил из специального кармашка своего полувоенного темно-зеленого френча компактные серебряные часы-луковку и укоризненно покачал головой:

– Задерживаются товарищи.

Какие товарищи куда должны приехать? И куда мы двинули в свете луны? Ничего не понятно, кроме начальственных обещаний: «Скучно не будет, едем брать жирную контру». Мандража и боевого настроения у меня пока не было никакого. Они уютно дремали под толстым одеялом неведения. И сам я пребывал в дремотном состоянии. В свое время прозвучит сигнал «вперед», тогда и будем действовать, волноваться. Или голову честно сложим – всякое ведь на чекистской службе случается. А пока нечего беспокоиться.

Издалека послышался нарастающий рев мотора. К перекрестку подкатывал еще один «АМО» – почти такой же, как наш, если не считать, что это был грузовик грязно-рыжего цвета. Его кузов был полон вооруженных винтовками пассажиров.

– Вперед, товарищ Сидоров, – спокойно приказал москвич шоферу.

Наш автобус послушно ринулся наперерез, внаглую перегородил проезжую часть и застыл. Вскоре скрипнули тормоза, и рыжий грузовик остановился в каком-то метре от нас.

Из кабины выпрыгнул невысокий сухощавый мужчина в обрезанной по колено, перепоясанной ремнями и мятой, как будто ее жевали, шинели. Зато сапоги вычищены так, что в них можно смотреться, как в зеркало, а папаха залихватски заломлена.

– Что ж ты, так тебя растак, оглоед безглазый, рулишь, куда не просят! – раздухарился незнакомец, и высокий полет его образной речи надежно опирался на крылья смачных, с мастерскими загибами, нецензурных выражений.

Из кузова грузовика между тем стали выпрыгивать бойцы с винтовками. Притом действовали они слаженно, а у некоторых стволы уже смотрели в нашу сторону. Ну что, молодцы, для шпаков очень даже неплохо.

– Баста, приехали! – махнул рукой москвич, выйдя из автобуса.

Я устремился следом, ненароком расстегнув свою брезентовую куртку, чтобы в случае чего быстро вытянуть заткнутый за пояс наган.

– Товарищ Русаков, – медленно и с чувством, как будто оправдались его самые худшие опасения, произнес субъект в папахе.

– Не ждали? – сочувственно спросил москвич.

– И на каком основании... – начал было «папах», но был бесцеремонно прерван москвичом.

– Мои основания вам хорошо известны. Вы никак за Головченко собрались?

– Откуда узнали? – хмуро посмотрел на москвича собеседник.

– По своим каналам... Досадно как-то, что вы не известили органы ОГПУ о своих грандиозных планах. Ведь вопросы могут быть. Отвечать придется.

– Да какие вопросы, Иван Афанасьевич! Каюсь, сам его взять хотел! У нас к нему особые личные счета.

– Какие личные счета, товарищ Лифшиц? Аполитично как-то звучит. Одно дело делаем. Так что поступаете со своим продотрядом под мое командование, – припечатал без права обжалования москвич.

Поскольку по факту возразить товарищу Лифшицу было нечего, он только развел руками – мол, хозяин – барин. А что поделаешь? Полномочий у столичной штучки Русакова хватало, чтобы построить в области кого угодно.

Я немного взбодрился. Ну, теперь кое-что проясняется. Головченко – это в недавнем прошлом заведующий сельхозотделом обкома ВКП(б), а ныне находящийся в розыске враг-вредитель. С зернозаготовками и коллективизацией наворотил он столько бед для советской власти, что барону Врангелю не снилось. Во многом это ему я обязан тем, что меня выдернули из уютного родного дома и отправили в эту длинную командировку, в состав специальной группы ОГПУ СССР.

С интересом смотрел я и на Лифшица, в этих местах фигуру легендарную. В возрасте, уже за пятьдесят, сморщенный, страшно энергичный, воинственный, а глаза так и шныряют вокруг – хитрые и все замечающие. Он обернулся к своим людям и произнес:

– Поступаем в распоряжение ОГПУ. Товарища Русакова.

Смотрели на нас продотрядовцы кисло. Не читалось на их лицах искреннего стремления помочь органам. Воспринимали они нас скорее как бесстыдных наглецов, норовивших утащить из-под носа их заслуженную добычу.

Вообще, продотряд – это какая-то странная шарашка, которая регламентировалась не законом, а обстоятельствами и желанием областного начальства. В разгар коллективизации, когда стал понятен огромный объем задач, стоящих перед государственным аппаратом по околхозиванию, раскулачиванию и сбору продналога, в помощь ему был создан внештатный отряд при административном отделе Нижнепольского облисполкома. Туда были прикомандированы самые разные люди – пара милиционеров, партийные рабочие с предприятий, комсомольцы, служащие. А поскольку руководил ими старый большевик Лифшиц, то вскоре по виду, содержанию и методам работы это стал типичный продотряд, будто бы вернувшийся из ранних революционных времен. Кстати, в нем действительно служило несколько человек из тех старых, героических продотрядов. Отряд Лифшица вскоре тут вполне прижился в качестве какого-то полулегального вооруженного формирования. И объем работы им выполнялся огромный. Продотрядовцев не стеснялись привлекать на разные мероприятия, в том числе в качестве вооруженной силы. Боялись их кулачье и мироеды как бы не больше, чем войск ОГПУ.

– Операция чекистско-боевая. На ее время вы считаетесь мобилизованными в ОГПУ, неподчинение, трусость и саботаж будут расценены по всей строгости. Это понятно? – спросил Русаков.

– Да понятно все, – слышались вразнобой голоса.

Все это продотрядовское воинство, разношерстно одетое – кто в пальто, кто в куртке и пиджаке, кто в сапогах, а кто в модельных кожаных нэпманских туфельках, сильно напоминало Красную армию образца 1918 года. Что роднило всех этих бойцов – винтовки-«мосинки» на плечах.

Москвич останавливал насмешливый, холодный и требовательный взгляд на каждом, отчего люди невольно выпрямлялись и расправляли плечи, испытывая желание вытянуться по стойке смирно. По какому-то наитию мой взор уперся в долговязого парня чуть за двадцать годков, его ватное пальто было узковато, а кепка сидела блином.

И тут меня как током пронзило. Краем глаза я заметил, как Русаков многозначительно переглянулся с ним. Мимолетно, незаметно, как они думали. Но я не первый год играю в эти игрушки-погремушки. И просто нутром ощутил нить, связывающую этих людей. Все понятно. Связка осведомитель – куратор. Теперь становится ясно, кто донес нам о планах товарища Лифшица.

М-да, так засыпаться. Я был о Русакове лучшего мнения. Хотя и на старуху бывает проруха. Да и таких чувствительно-глазастеньких, как я, на самом деле вокруг совсем немного. Так что прокол не слишком значительный... Но все же прокол.

Снова заурчал мотор, и наш автобус двинулся следом за грузовиком. Русаков изложил нам диспозицию, а заодно распределил, кто как действует и кто кого страхует. С учетом моего длинного, как век Мафусаила, и славного, как подвиги Геракла, послужного списка, меня по неизменной доброй традиции поставили в штурмовую группу на острие атаки. Как всегда. Одно непонятно, как с таким счастьем я до сих пор жив. Но ведь жив и сегодня тоже погибать не собираюсь. Всех делов-то – спеленать одного контрика. Или не одного – это скоро увидим. Но под ложечкой все же тревожно засосало. Потому что пуля, она дура, и когда чекиста найдет – одному богу известно. А жить, несмотря на все невзгоды, мне еще не надоело... Ладно, главное – спокойствие. Нет ничего хуже, чем изводить себя всякими трепетными чувствами и заковырыстыми мыслями перед горячим дельцем.

Мы остановились на самой окраине Нижнепольска, где в ряд шли заросшие пруды, неухоженные лесопосадки, а у реки чернела давно брошенная лодочная станция. До революции эти места славились престижными именами, но Гражданская война прошла по ним катком, так что теперь здесь лишь руины.

Перед нами открылось длинное, приземистое строение, некогда бывшее богатым домом, который теперь погибал, лишившись крыши и рухнувшего правого крыла. Слева от него стоял относительно целый флигелек, правда, без окон и дверей. Когда-то все это было барским помещением, позже выкупленным богатыми купцами и разоренным в 1918 году. Управление землепользования, за которым оно числилось, хотело отдать его под коммуны и отремонтировать, но все никак руки не доходили. Здесь мы две недели назад проводили мероприятия по отлову беспризорников, насобирали их пару десятков. Теперь тут тишина, пустота.

Мы растянулись цепочкой, охватывая объект атаки. Продотряд маячил за спиной. А я, Русаков, Лифшиц и пара чекистов из нашей группы опасно приближались к флигелю.

– Там он, выродок, – прошептал Русаков, замирая и пялясь на строение. И на самом деле в окошке мелькнул отблеск огонька. – Брать живым. Несмотря ни на что.

Живым так живым. Проявим геройство. Главное при этом – самим живыми остаться. Ну а с его жизнью – как получится. Тут загадывать нельзя. Но задача понятна.

А потом начался штурм, если это можно так назвать. А если проще – задержание особо опасного преступного элемента.

По отмашке москвича мы рванули вперед, по заранее определенной траектории, как булыжники, пущенные умелой и сильной рукой.

Я ринулся в оконный проем, где давно не было даже рамы. Раньше бы легко исполнил этот гимнастический номер. Не шибко я постарел со своих лучших времен, но вечное недоеда-

ние сказывалось и на моем молодом и, кроме того, очень увесистом атлетическом организме. Так что от напряжения в висках забились упругим напором горячая молодецкая кровь. Но все же приземлился я на каменный пол удачно и даже ловко, как могло показаться со стороны. И твердо сжимая в руке свой любимый наган, надежный, прошедший со мной через бесчисленное количество передраг, сохранивший мне жизнь там, где сохранить ее казалось делом безнадежным.

И тут же разом я ухватил кадр бытия, картинку, расставившую все по своим местам. На полу тускло мерцала керосиновая лампа, отбрасывающая неверный свет на окружающие предметы. Справа львиную долю пространства занимала изразцовая, выщербленная и местами сколотая печь. А за ней на колено присел человек в сером пальто и что-то рассматривал.

Я даже крикнуть «мяу» не успел. Если бы он выхватил оружие, я десять раз успел бы продырявить ему какой-нибудь не особенно жизненно важный орган – молотил с трех метров из нагана без промаха, муху мог сбить на лету, хотя это я себе льщу. Но вот только он уже держал что-то стреляющее, похожее на увесистый пистолет, в руке. И ствол, как назло, уже был направлен в мою сторону, поэтому при виде свалившегося как снег на голову меня противнику и напрягаться не пришлось, просто коротенько нажать на спусковой крючок. Случайность. Стечение обстоятельств. Неужели в этом оружии и затаилась та самая моя пуля, что так долго жаждала встречи со мной на полях многочисленных битв и схваток и в итоге нашедшая в этих жалких развалинах?

В критических ситуациях сознание всегда разбивается на несколько частей. Где-то в стороне бодро нашептывает какие-то вселенские истины философ-ворчун – мол, такова мимолетность жизни, идущей всегда рядом со смертью. Другая часть сознания просчитывает варианты развития событий и перспективу действий. А между тем тело действует само, на знакомых миллион лет рефлексах – выжить и победить. Так что я в ту же секунду просто рухнул на пол. И в отчаянье билась мысль, успею ли?

Грохнул выстрел. И шальная пуля все же настигла меня...

Глава 2

Было больно. Будто наждаком грубо прошлись по спине.

Потом загрохотало основательно. То ли так моя душа отлетала ввысь сквозь тучи и гром небесный, то ли кто-то стрелял над ухом.

На инстинктах я перекатился в сторону. И только так понял, что живой. И что пора самому действовать.

Приподнялся на колене, вскинул наган, так и не выпущенный из руки. Мой палец начал было тянуть спусковой крючок, но не дождал до выстрела. Все уже разрешилось без меня, так что можно спокойно расслабиться и подумать о себе.

О себе? Ну что же, рад сообщить сам себе, что жив и двигаюсь. И даже могу, пошатываясь, подняться и оглядеться.

Спина саднила, по ней что-то текло. Да не что-то, а кровь! Моя кровь! Ничего, не в первый раз.

Дотянулся я до спины с трудом. Моя любимая, крепкая и надежная куртка разорвана. Чувствительность кожи присутствует.

– Живой, товарищ Большаков? – послышался как всегда задорный голос Русакова. Ему вообще все нипочем.

– Относительно, – кивнул я.

– Осторожнее с врагом надо. Аккуратнее.

А мне вернулась возможность трезво соображать и оценивать, что творится. Отделался я, судя по всему, не слишком глубокой царапиной от пули. А вот противнику повезло меньше. Он был безвозвратно мертв. Зашедшие через дверь Русаков и Лифшиц без особых терзаний, забыв свой же приказ «братъ живым», начинили его пулями, как на охоте дробью фазана. Их можно понять. Они посчитали, что бандит угрожал меня, и решили не дать возможность ему угрожать заодно и их. Так что патронов не жалели.

Рядом с безжизненным телом валялся вальтер. Тот самый, который противник держал в руках, притом уже снятым с предохранителя. Да, не повезло врагу. Не сжимал бы он пистолет в руке, не было бы и искуса сразу жать на спусковой крючок, едва завидев незнакомца, который, может быть, вообще случайно мимо проходил через окно. Вот и остался бы жив. А сейчас валяется лицом в пол.

Русаков брезгливо, носком сапога, перевернул тело на спину. А Лифшиц витиевато выругался. Красиво выругался. Вообще, похоже, он большой мастак в нецензурной лексике и свое мастерство при каждом удобном случае с готовностью демонстрирует людям.

Хотя материться было из-за чего. Убитый ну никак не походил на находящегося в розыске партноменклатурщика Андрона Головченко.

– Это Цыпин, – пояснил Лифшиц. – В Управлении землепользования работал. Они вместе с Головченко скрылись, когда под ногами земля задымилась.

– Ну да, – кивнул Русаков. – Правая рука главного вредителя.

Я отвел глаза от тела. Это китайцы любят смотреть на проплывающий по реке труп врага. Мне это не доставляло никакого удовольствия. Тем более во флигеле и без того было на что посмотреть. Притом гораздо более интересное. Например, открывшийся взору натюрморт.

Часть стенной перегородки рядом с печью была сдвинута в сторону. Она прикрывала солидную нишу, являющуюся тайником. Притом тайником, полным всяких богатств, в которых и копался наш враг. Рядом по полу было небрежно разбросано оружие, несколько ручных термитных гранат образца 1917 года, металлическая коробка с пулеметными зарядами и куча картонных коробочек с винтовочными и пистолетными патронами. Штук пять пистолетов и револьверов различных систем. Обрез. Прямо какой-то оружейный магазин! И еще в стороне

валялся чемодан – объемный, фибровый, с золотистыми застежками. Дорогой чемодан. Грубо продавленный в самом центре. И совершенно пустой.

Один из продотрядовцев, которые набились в комнату, слетевшись на выстрелы, как мошкара на свет лампочки, с уважением присвистнул:

– Хороший улов. Это ж сколько оружия и патронов. Вот бы нам отдали!

– Сколько? – вдруг с прорвавшимся неожиданно раздражением, несвойственным его ровной натуре, воскликнул Русаков. – Курам на смех... А вот чемоданчик пустой.

Потом, будто вспомнив о чем-то второстепенном, но все же необходимом, он махнул рукой в мою сторону:

– Окажите товарищу Большакову медицинскую помощь.

Один из продотрядовцев, оказавшийся фельдшером, помог мне стянуть куртку и рубаху, внимательно осмотрел рану. При нем был комплект первой помощи, потому он сразу сделал перевязку и подытожил:

– Повезло вам. Чуть ниже пуля – и позвоночнику бы хана. И тогда...

Меня аж передернуло. Что такое перебитый позвоночник, я знал прекрасно. Насмотрелся в свое время. Лучше уж тогда сразу наповал – и честнее, и приятнее.

В общем, оснований для моей госпитализации не наблюдалось. Так что загрузился я в автобус со всеми наравне, и мы отправились в наше логово. Правда, для порядка Русаков оставил пару сотрудников и нескольких продотрядовцев разгрести ситуацию с местными органами и давать показания.

В штабе, а заодно и в расположении, нашей специальной группы Русаков отправил ребят спать, а мне кивнул:

– А тебя на чаек с сахарком, товарищ Большаков.

– Как раненому на фронте сладкое положено? – хмыкнул я.

– Положено.

Мне страшно захотелось чая с сахаром. То, чего сейчас так не хватало.

Русаков в своем заставленном старой скрипучей мебелью кабинете, заодно служившем ему и спальней, и столовой, и вообще логовом, поколдовал над спиртовкой. Из носика медного чайника пошел пар. Фарфоровый заварник принял в свое чрево кипяток, и вскоре напиток был готов.

Хороший у Русакова чай. Ароматный. Настоящий. Привез его с собой из столицы и расходовал крайне рачительно, потому что здесь близко такого не найти, даже в обкомовском распределителе.

– Угощайся, раненый, – с легкой улыбкой произнес москвич.

Я уронил в изящную фарфоровую чашку кусковой желтый сахар и тщательно, методично размешал. Странное у меня состояние было. Сколько ни было схваток, смертельных ситуаций, привыкнуть к этому невозможно. Все равно после того, как азарт сражения уходит, приходит запоздалый страх и всякие дурные мысли о том, что пройди пуля сантиметром правее – и лежал бы ты сейчас под ножом патологоанатома, и не было бы больше для тебя этого бушующего неистового мира. Сейчас же этот страх все не приходил. Он просто не мог пробиться через какую-то неподъемную усталость и вязкое оцепенение, которые с каждым днем сковывали меня все сильнее. Они выдавливали все человеческие чувства, в том числе и чувство самосохранения.

– Что пригорюнился? Переживаешь? – неверно истолковал мое состояние Русаков. – В рубашке родился. Выжил.

– Да пустое это. Бывало и похуже.

– Наслышан, – кивнул Русаков и с бодрым энтузиазмом продолжил: – Ты у нас героический товарищ. И даже награжденный.

Орден Красного Знамени я получил за Украину. Только ведь и не скажешь, за что именно. «За выполнение секретного задания» – и все... Интересно, Русаков хотя бы примерно представляет, с кем он имеет дело в моем лице? Может, и представляет. Он вообще чемоданчик с несколькими тайными уровнями.

Я мельком глянул на собеседника. Мне его мажорное настроение казалось наигранным. Этот вечно подтянутый, статный, хотя и ростом не вышел, мужчина, возрастом сорока одного года, внешне был полон энтузиазма, бодрых правильных фраз и призывов, непоколебимый, идущий единственно верным путем. И какой-то идеально выверенный, как в аптеке, – эмоций, мыслей, рассуждений да и самих поступков у него ровно столько, сколько надлежит по должности. Но вот только не покидало меня ощущение, что это всего лишь маска. А что у него на уме – одному черту известно. Ну такая уж старая чекистская школа. И еще чувствовалось, что Русаков чудовищно целеустремлен. Тут мы с ним сильно похожи. Это такое отдельное племя на Земле, которое и надежда с опорой, и вместе с тем угроза для государства – люди, готовые на все ради достижения цели. Притом не мелкой, типа купить аккордеон и новые сапоги, а большой цели, глобальной. Вопрос только в том, что это за цель. И насколько она соответствует общепринятым общественным устоям.

Русаков взял за правило время от времени советоваться со мной. Остальных в группе он не воспринимал всерьез, а ко мне почему-то проникся некоторым уважением. Хотя мне далеко до лавров моего любимого литературного героя Шерлока Холмса, но без ложной скромности могу сказать, что светлые мысли все же иногда приходят в мою голову. Притом они больше плод интуиции и чувств, чем чистого разума, уныло бредущего вдоль строгой ограды логики.

– Ну и что думаешь? – спросил Русаков.

– По поводу наших подвигов? Сработали плохо. Результат налицо. Точнее, на полу в луже крови. Врага упустили. Хоть и на тот свет.

– По самой ситуации, а не по нашим грехам.

Я пожал плечами:

– А чего тут думать? Этот виновно убиенный то ли сам за нычкой полез, которая ему понадобилась. То ли Головченко его послал вперед, как смертника в прорыв, на случай, если точка под контролем чекистов... Хотя последний вариант маловероятен.

– Почему? – заинтересовался москвич.

– Да мне кажется, если это общая их нычка, то сам Головченко там уже давно побывал.

– С чего ты это взял?

– Чемодан тот фартовый. Он пуст.

– А не Цыпин принес его с собой, чтобы погрузить все нужное?

– Что погрузить? Патроны, гранаты и пистолеты? На черта они ему в бегах нужны в таком количестве? Нет, он пришел за содержимым чемодана. Чемодан был в тайнике, это по слою пыли и каменной крошки на нем видно. И выпотрошили его заблаговременно, что Цыпина сильно душевно задело. Недаром чемодан продавлен. Уверен, это он по нему от избытка эмоций прыгал. – Я усмехнулся, представив, как контрик, подобно обезьяне, руками и ногами скачет по пустому чемодану, оскаливая клыки. Фу, ну и фантазии!

– Кто выпотрошил? – продолжал напирать москвич. – Головченко? А чего он не прихватил с собой сам чемодан? Зачем из него что-то перекладывать?

– Наверное, чтобы не привлекать лишнего внимания. Человек с чемоданом гораздо более заметен, чем человек с обычным мешком. Особенно если он для маскировки одет в крестьянские лохмотья. Вы обращали когда-нибудь внимание на крестьянина с мешком?

– Твоя правда, – кивнул Русаков. – И где сейчас Головченко?

– Да кто ж его знает? Может, совсем рядом прячется. Но, скорее всего, взял, что нужно, и рванул из области на оперативный простор. Теперь ищи-свищи ветра в поле.

– Эх, – покачал головой Русаков. – Наверняка в тайнике интересные бумажки были. Очень бы они намгодились. Потому как голову мы срубили, а тулово гидры где-то здесь. Совсем рядом. И отравляет оно все вокруг... Ладно, иди-ка ты на боковую, товарищ Большаков. Спать тебе осталось два часа. Не забыл в пылу сражения, что у тебя выезд в Свободное?

– Память пока не отшибло, – поморщился я. Эти выезды для меня с каждым разом были все тягостнее, но выбирать не приходилось.

– Рана не помешает?

– Не помешает.

– Тогда ты старший, – опять перешел на бодро-повелительный, не терпящий возражений тон Русаков. – И особо никого там не жалею. Образцово-показательно их надо укатать...

Глава 3

Наш «АМО» колдыбал по ухабистым и совершенно непригодным для его нежных колес дорогам. Деревянные, обшитые железом стенки жалобно потрескивали и скрипели, а крыша из дерматина вибрировала. Да, дороги в России – вещь порой скорее условная, чем реальная.

Светало. Мы обгоняли неторопливо тянущиеся телеги, уныло бредущих с граблями и прочим инструментом на плечах изможденных крестьян. А вот и вестники новых времен – на полях стрекотали трактора, доселе чудо невиданное. Но некоторые из них стояли как вкопанные – то ли поломанные, то ли трактористы не горели рабочим энтузиазмом. В общем, жизнь текла, весна несла первое тепло, шел ранний сев. Но все время, выезжая за город, я погружался в ощущение, что все в этих местах идет будто через не хочу, через сопротивление среды. И я знал, как называется это сопротивляющаяся среда. Голод.

Рожденный страшным неурожаем Голод – это напасть и гнилое содержание всего последнего года. Его в официальных документах тактично именуют «продовольственными затруднениями», но страшной сути это не меняет. Он встает тенью, мерещится изо всех углов. Он забирает силы и желание жить.

Голод несет с собой безысходный липкий ужас и пагубу. Недаром попы называют его третьим всадником Апокалипсиса. Нет, конечно, не лучше было в Гражданскую – тоже голод, тиф и испанка косили народ миллионами. Но тогда понятно – шла схватка не на жизнь, а на смерть, это была плата за победу над беляками и интервентами. А здесь будто спустился неожиданно сверху комковатый туман, и начался бесконечный кошмар. Какая-то непреодолимая природная сила – как землетрясение или цунами. Только растянутая на месяцы и годы. И в отчаянье порой кажется, что Голод пришел навечно.

Только не будет он вечно. Он ныне наш главный враг, не дававший стране уверенно идти вперед. И мы свернем ему шею. В том числе руками органов ОГПУ. В том числе и сейчас, когда дадим ему пинка в селе Свободное, расчихвостив его прихвостней.

В салоне автобуса дремали Елоев, прозванный Горцем, и Якин, он же Вася Говорун, – уполномоченные из нашей специальной группы. Горец горяч и впечатлителен, но быстро выгорает и не склонен к отвлеченным переживаниям. А Говорун треплив без меры, хохотун, живет одним моментом. Им, в отличие от меня, посторонние рефлексии чужды. Оба исповедовали завет опытного вояки – безмятежно дрыхнуть при любой возможности и в любой обстановке. Ну а что – солдат спит, служба идет.

На задних сиденьях клевали носом трое приданных нам продотрядовцев. Народ они полезный. Лучше всего себя проявляли при поиске сокрытого зерна. На эти их таланты я сейчас сильно рассчитывал.

В самом уголке, поправляя сползающие с носа очки-велосипеды, увлеченно листал книжку в серой дешевой бумажной обложке Федя Симонян, лицо неопределенной национальности. Он был ревизором Рабоче-крестьянской инспекции. Я не встречал людей, которые лучше него разбираются в приходах-расходах, дебетах-кредитах и в бухгалтерской документации. И он, как никто другой, знает, в чем состоит суть народной поговорки: «Деньгам счет, а хлебу мера».

Тряслись мы по колдобинам до цели часа три. И вот наконец замаячило село Свободное. Если там и была когда-то свобода, то на пользу явно не пошла – сегодня в нем царила нищета, она будто пеленой окутала вросшие в землю по окнам русские бревенчатые избы на три окна, с покосившимися заборами из штакетника, огороды, сарай и хлипкие хозяйственные постройки. Вокруг простирались бескрайние поля, вдали лениво полз трактор.

В селе было как-то пусто. В лучшие времена в сельской местности при появлении чуда чудного – автомашины – на улицу высыпали толпы, прыгали радостно мальчишки, сосредоточенно крестились повязанные наглухо платками суровые бабки, поминая бензиновых чертей и лешего на колесах. Здесь же царила зловещая пустота.

Автобус затормозил около справной, недавно отремонтированной избы. На ней была прибита доска с коряво выведенной белой масляной краской надписью «Правление колхоза «Путь Ильича». Мы вошли внутрь.

Пред нами предстала просторная светлая комната, которая была плотно заставлена письменными столами, стульями, а на полках пылились папки. Все стены завешаны плакатами с цитатами состоявшегося в феврале текущего, 1933 года в Москве Первого всесоюзного съезда колхозников-ударников. В воздухе густо витал запах сивухи и чего-то заманчиво-съестного.

Председатель колхоза, ради кого мы приехали, был на месте. Крупный, щедро-бородастый, в чистенькой вышитой рубахе, он встретил нас с распростертыми объятиями, только в ноги не падал.

– ОГПУ! Услышали меня в районе! Прислали защитничков-помощников! – рокотал он, суетливо приглашая нас рассаживаться. Толстые губы его расплывались в широкой улыбке, того и гляди треснут. Но я заметил, как в его глазах на миг плеснулась такая свирепая озлобленность, что мне даже жутковато стало от того, какие чувства распирают этого человека.

– И зачем же мы тут понадобились? – с усмешкой полюбопытствовал я.

– Так народишко бунтует! Настроения антисоветские растут, что сорняки на поле. На работу выходить отказываются. А сейчас сев. А с кого голову снимут? В тюрьму их! Человек десять. Я и списочек подготовил. А остальные попляшут у меня! Забегают!

– Ах ты ж сучий потрох. – Я шагнул к председателю, сгреб его за бороду, притянул к себе, посмотрел в глаза, а потом толкнул на узкую, обитую бархатом буржуйскую кушетку, неизвестно откуда взявшуюся на селе. – У тебя шестнадцать человек от истощения померло! Полсела опухли от голода и не сегодня-завтра богу душу отдадут. А тебе их в тюрьму!

– А сам-то сытенький, – с ненавистью произнес ревизор Симонян. – Ряху отъел – поперек себя шире.

– Товарищи, товарищи, – забормотал председатель. – Я же за власть советскую всей душой! Я же план по севу... Я же сам из последних сил...

– Да не мельтеши, – отмахнулся я от него, как от комара. – Лучше поведай, как народ тиранить.

– Так все ж сдали по плану. Ну нет зерна, кроме семенного! На трудодень всего по триста грамм приходится! Ну нет!

– А давай-ка подождем чуток. А потом обсудим и трудодни, и то, что зерна нет.

Я согнал председателя с кушетки. Устроился там сам с комфортом, а его загнал в угол, где он уселся на корточках. Кивнул старшему продотрядовцу:

– Работайте, товарищи!

Горец с продотрядовцами отправился на территорию. Вася Говорун быстренько осмотрел кабинет. Нашел в письменном столе наган. А на полках под потолком, за папками, были заныканы каравай хлеба и увесистый круг кровяной колбасы. И как приятное дополнение – пятилитровая бутылка мутного самогона.

– Хорошо живешь! – оценил я.

– Это... Это не для меня... Это для людишек... То есть для людей...

– Береги тишину, – оборвал я его. – Объясняться потом будешь.

Теперь мое дело маленькое. Оставалось только ждать. Лучше всего это делать в молчании. Вскоре еще наговоримся. По душам.

Через некоторое время вернулся Горец с одним из продотрядовцев.

– Нашли? – с некоторым напряжением спросил я.

– А как же! И даже больше! – просиял Горец.

– Ну, пошли, председатель, – кивнул я. – Обозрим твои закрома.

И опять будто ударила звонкая пустота на улице. Ни одной живой души. Лишь у одного дома стояла старуха, а может, и не старуха, просто так старо и изможденно выглядевшая женщина, и истово крестилась. Потом упала на колени, провожая нас взором. Но в окнах было шевеление. Проскользнул силуэт. Встрепенулась занавеска.

Во многих населенных пунктах, где мне удалось побывать в эту проклятую командировку, возникало ощущение, будто они накрыты куполом беды и в них прочно поселилась безнадега. Не везде такое было. В некоторых деревнях видно, что трудно, но преодолимо. Там тлела жизнь и стремление к лучшему. В Свободном же было такое вот царство безысходности.

Дом председателя представлял собой справное кулацкое имение, даже посolidнее, чем правление колхоза. И на пустыре за ним продотрядовцы сейчас раскапывали ямы. Мы ждали, что будет одна захоронка, но в отдалении нашли еще.

Тут продотрядовцы знатоки большие. Чутье у них на закопанное зерно. Но и те, кто прячет зерно от государства, достигли в своем деле больших высот. Обычно хоронили его в специальных ямах в определенной глинистой почве, опаливая огнем и образуя тем самым твердую поверхность, через которую не прогрызутся мыши. Но иные умельцы подходили к делу творчески. Прятали в самых неожиданных местах – в развалинах, на болотах. А в прошлый выезд, к изумлению своему, мы обнаружили фальшивую могилу на сельском кладбище, на самом деле являющуюся схроном для зерна. Даже крест поставили, нехристи. Ну а что – народу много мрет, одним крестом больше.

– Значит, нет зерна на трудодни, – хищно улыбнулся я.

Председатель просто потерял дар речи, видя, что его заветный схрон вскрыт.

– Скажи еще, не твое. – Я взял за шкирку, встряхнул и толкнул его. Он упал на землю. Попытался подняться на ноги, но продотрядовец долбанул ему от души по хребту прикладом.

Председатель все же встал на колени, взвыл как-то по-волчьи и начал колотить кулаками по земле:

– Мое! Все мое! Не ваше же, голодранцев! Не отдам!

Его сгребли за шкирку и потащили обратно в правление, где надлежало оформить все по правилам.

Вор и саботажник сидел, согнувшись, на табуретке. Я выставил всех из помещения, оставив только ревизора Федю, который по ходу может прояснить скользкие моменты по учету, бухгалтерии и сразу поставить допрашиваемого на место, когда тот непременно примется врать.

Но пока председатель собирался не врать, а неистовствовать и посыпать голову пеплом.

– Донесли все же, сукины дети! – бормотал он. – Доложили!

– А ты на что надеялся? – спросил я. – Ты же кулак. И по закону должен быть лишенцем. А обманом, хитростью и подкупом стал председателем. И подкулачников в правление протянул. Да еще и народ заводил подлыми речами.

– Какими речами? – вскинулся он.

– Уж не твои ли это слова? «Вы хотели раскулачить меня, а теперь я буду вас крыть и чистить из колхоза за невыполнение работ! Потому что дубины вы стоеросовые, а мне жизнь положила вас гонять! И что мне советская власть? Я здесь власть!»

Председатель не ответил, только посмотрел на меня яростно. Эдак он и до суда не доживет с такими истрепанными нервами.

– Говорил, – заверил я. – Тому подтверждения есть. Ну ладно б только говорил, а то и вел себя – чисто медведь на воеводстве. Больных и инвалидов из бедняков на самые тяжелые работы посылал, которые и здоровому не сдюжить. А подкулачники твои прохлаждались. Ты же, зверь, без какой-либо жалости народ притеснял. А теперь тебе ОГПУ понадобилось, чтобы его совсем со света сжить? Так тут ошибка вышла. Мы не для этого. Мы для справедливости.

Председатель часто задыхался, как будто выплыл с глубины омута. А потом вскипел:

– Народ притеснял? И правильно притеснял! Гольтьба и лодыри! Что при царе у них ничего не было! Что сейчас! И поделом! Ты думаешь, зачем они в колхоз пошли! Чтобы за чужими спинами укрыться и ничего не делать! Всегда такие голодали! И всегда голодать будут! Потому как справный мужик себя и всех прокормит. А гольтьба всегда гольтьбой будет. Мы соль земли, а гольтьба – чертополох на ней, засохнет или будет скошена – и не жалко!

– Ну да. Лодыри... А когда ты своему куму-бездельнику, который не знает, как колхозное поле выглядит, двадцать трудодней ставишь, а безответной, как ты говоришь, гольтьбе, которая с этого поля не уходит, надрывается, десять трудодней закрываешь. Кто лодырь?

– А вот не хватает на всех! Кому-то все равно с голоду подыхать! А тут уж так жизнь распорядилась, что или свои сдохнут, или гольтьба! – выкрикнул председатель, выкатив глаза.

– То есть ты себе дал право решать, кому жить, а кому сдохнуть от голода. Хорош. Прям царь-батюшка.

– Царь не царь, а хозяин справный. И если бы не ваши зернозаготовки, что все вымели, организовал бы жизнь по всем правилам. Все бы у меня работало, как хронометр со Швейцарии. А теперь... – безнадежно махнул он рукой.

– Ладно, это все философия Канта с Гегелем.

– Чего? Какой Гоголь?

– Да ничего. Сейчас ты мне откровенно все рассказываешь. Как занимался вредительской деятельностью. Как ты, кулак, не только лишения прав избежал, но и председателем стал? Кто тебе помогал?

– Оговоры это все, – начал опять упрямыться допрашиваемый.

– Вот что, вредитель, не играй с огнем. Сгоришь – одни головешки останутся.

Я еще немного надавил на его отсутствующую совесть и присутствующий страх. Он подумал тяжело. И как-то облегченно кивнул:

– Это Головченко с обкома. Все он, крапивное семя!

– Ну да, валить есть на кого, – критически улыбнулся я. – На беглого.

– А чего на него валить! Он ставил на должность меня! Он и спрос чинил! Он и село обескровил! Ну а я способствовал, было дело. Только вот так он за горло меня держал. – Председатель выразительно взял себя пальцами за горло. – Да еще говорил: «Что крестьянин-другой подохнет, ты об этом не горюй. Все равно он коммунизму элемент чуждый». И ржал, аки конь полковой, при этом.

– И что?

– Зерна-то лишнего взял он с нас немало. Только сдается мне, не доехало оно до места.

– Торговал им на рынке, что ли? – хмыкнул я.

– А ты не насмешничай. Это уже с вас, ОГПУ, спросить надо, куда зерно девалось.

В общем, картинка с его слов получалась такая. Сперва налог зерном взяли с колхоза по всем правилам. Потом опять приехали, но уже другие, с мандатом от Головченко, кипой документов с печатями и подписями и с новыми запросами. Только по виду это даже не продотрядовцы были, к которым все давно привыкли, а просто бандиты с большой дороги. И вымели почти все, в результате чего село сейчас с голоду и мрет.

Я заставил его дать подробное описание той шайки. Внятного ничего припомнить он не мог. Люди как люди, только рожи наглые и глумливые, да ведут себя хуже японского оккупанта. Одного только описал достаточно ясно – весь кривой, кривоzubый, криворукий, ноги колесом, такая вот ошибка эволюции.

Сказал, конечно, он далеко не все. Утаил, будет торговаться за свою жизнь. Но это ничего. Будем с ним работать.

Отпахали мы в Свободном ударным трудом сутки без сна и отдыха. Задokumentировали, что могли. Автобус забили задержанными, так что там тесно стало. Зерно под опись сдали двум

партийцам, на которых до принятия решения возложили управление колхозом. Их вытащили из соседнего села, куда они бежали в прошлом году – их едва не подстрелили, когда они в то время пытались открыть глаза районному начальству на творящиеся здесь беспорядки. Эту историю тогда спустил на тормозах все тот же Головченко.

– Все сделаем в лучшем виде, как в аптеке Гололобова, – пообещал партиец напоследок, с радостью разглядывая арестованных в лице председателя и его подельников-подпевал – практически все правление колхоза. – Ну что, лишены! Когда бесчинства свои творили, нагло нам лыбились в лицо со словами: «Когда власть делили, вас позвать забыли». А теперь жизнь вот какой кульбит сотворила.

Ну все, работа сделана на отлично. Оперативная информация отработана. И главное, думаю, спасли мы найденным хлебом хоть несколько жителей села, до того обреченных. Пора и в дорогу.

Однако после погрузки на борт отъезд затормозился. Двигатель зачихал, и шофер принялся возиться с ним. Починит скоро, я был в этом уверен. Двигатель все время барахлит, и шофер все время его чинит.

Пока суть да дело, ревизор Федя Симонян отвел меня в сторонку. Он выглядел озадаченным.

– Я бы на твоём месте присмотрел за председателем, – неожиданно объявил он. – Не дай бог что с ним случится.

– А кто ему грозит, кроме «тройки»? – не понял я.

– Да много кому может не понравиться, если он лишнего сболтнет.

– Уже сболтнул все, что мог.

– Может, и не все. Я бы поостерегся.

– Да ладно нагнетать, Федя. Это же не твоя, а моя работа – перестраховываться и бдить.

А пока поводов не вижу.

– Нагнетать? Давай до города разговор отложим. А там в спокойной обстановке... Ты в области человек пришлый. Много чего не знаешь. И некоторые вещи не понимаешь.

Звучало это зловеще и многообещающе. Я хлопнул приятеля по плечу:

– Хорошо, Федя. Жду с нетерпением ошеломляющих откровений.

– А вот смеяться не надо. Чтобы над нами потом не смеялись, когда мы все на свете прошьём...

Глава 4

Переговорить накоротке с Федей нам удалось только через пару дней. Пока я отписался по выезду, пока он доложил своему начальству и созрел для серьезного разговора. Так что увиделись мы только в воскресенье.

Встретились на ступенях чистенького двухэтажного особняка Рабкринина, где ревизор пахал как проклятый, без праздников и выходных. Я пожал его интеллигентскую тонкую руку и предложил:

– Ну что, пройдемся по городу, подышим весной?

– Перед смертью не надышишься, – брякнул ревизор, а меня от этой невпопад брошенной фразы вдруг обдало каким-то потусторонним холодком.

На излете нэпманских времен мы посидели бы спокойно в трактире и откушали там растегайчиков, что встало бы в треть зарплаты. Но трактиры и рестораны теперь как по волшебству превратились в рабочие столовые, где кормили только по карточкам. Поэтому оставалось нам мерить шагами город. Зато никто не подслушает наш разговор.

Мы прошли по краю компактного купеческого центра Нижнепольска, застроенного приземисто, хотя и местами весьма вычурно – все сплошь лабазы, добротные купеческие дома и уютные маленькие церкви, большинство из которых переоборудованы под склады и клубы. Вышли на улицу Маркса, где на переломе столетий взмыли ввысь трех-четырёхэтажные доходные дома. Уткнулись в площадь Парижской Коммуны, где недавно было возведено тяжеловесное и, по задумке, шикарное, а на деле – нелепое многоэтажное строение обкома партии с многочисленными колоннами, круглыми балконами и плоской крышей. Рядом построили другое, чуть поменьше, но очень похожее, прям как незаконнорожденный сын, – штаб военного округа. А рядом, в бывшей городской думе, теперь властвовало Полномочное представительство ОГПУ.

За площадью приютился кинотеатр «Красный пролетарий», где неизменная толпа желала приобщиться к искусству немого и звукового кино. Там шли новые фильмы: «Горячая кровь» – незатейливая история о создании коммун на Дальнем Востоке, а также советско-германская кинолента «Металл».

– Почему кино так тянет людей? – оглядываясь на очередь, недовольно произнес Симонян, поклонник академических театров и высокой поэзии.

– Наверное, люди хотят увидеть на экране кусок интригующей чужой жизни, – предположил я. – Забыть о своих невзгодах и серых буднях хоть на час. И чем больше у них проблем, тем длиннее очереди в кинотеатры.

– Эх, Большаков. Сколько у нас с тобой вдруг нарисовалось проблем, так по твоей логике мы должны сутками не вылезать из синематографа и неустанно пялиться в экран, – выдал ревизор и таинственно замолчал. Ну что, умел он нагнетать драматизм. Вот кому кино снимать.

Вскоре мы дошли до парка имени Ворошилова. Спасибо партии и правительству за семичасовой рабочий день и гарантированное воскресенье на отдых. А погоде отдельная благодарность за первые по-настоящему теплые ласковые дни. Народ высыпал из тесных квартир на свежий упоительный весенний воздух. И сейчас в парке прогуливались толпы – семьями или в одиночестве.

Вокруг кипела общественная жизнь. На скрипучей и прогибающейся сцене летнего театра девчата в народных одеяниях весело, с притопами-прихлопами, исполняли антибуржуазные и колхозные частушки. Проществовала под стук барабана колонна улыбающихся задорных юношей и девушек, одетых в изумрудно-зеленую комсомольскую форму, перепоясанную ремнями, – это были студенты советско-партийной школы. Они несли с собой транспарант «Слава социалистическому труду!».

Я в очередной раз отметил, что Голод затронул горожан не так сильно. Если в деревне это был Гибельный Голод, то в городе просто голодали и недоедали. Хотя местами он набрасывался на людей со всей жестокостью, особенно на большие семьи, где было мало кормильцев и продовольственного пайка не хватало на всех. И не дай бог потерять карточки. На колхозном рынке, который открыли в прошлом году, были продукты, но по ценам диким и простому трудыге недоступным. Проявилась во всей красе изнанка города. Люди меняли еду на вещи, процветала спекуляция, росли как на дрожжах кражи, в том числе продуктов. Милиция сбивалась с ног. Но в целом Нижнепольск жил, работал, дышал, отдыхал и в будущее смотрел без обреченности. Видел я это сейчас и в парке.

Мы пристроились на скамеечке в достаточно уединенном месте, откуда открывался вид на северную часть города, которую занимали портовые склады и сооружения. Там грузились баржи, гудели буксиры. А с пассажирского речного порта уходили по реке белые пароходы.

Федя вытащил из бумажной пачки с надписью «Любительские» папиросу, щелкнул самодельной бензиновой зажигалкой. Жадно затянулся. Потом смял и отбросил папиросу прочь. Видно было, что он нервничает и не знает, как начать разговор.

– Знаешь, Саша, только тебе могу доверять, – наконец приступил он к делу.

– А чем остальные не угодили?

– Да тут сам черт ногу сломит – где враг, а где друг! А мы с тобой люди проверенные. Бедой и гонениями отшлифованные.

Ну, про гонения он слегка преувеличил. Но вот беда с ним, если бы не мое участие, вполне могла случиться. Познакомились мы в Углеградске – туда меня послали после чекистских курсов. Я его сильно выручил, когда на него мои ушлые коллеги хотели повесить все мыслимые и немыслимые грехи. Не повесили. Хотя это и дорогого мне стоило. В результате я заработал полное доверие Федора. А его самого знал как болезненно честного человека. И болезненно неравнодушного.

– Саша, ты много где бывал. И как тебе на фоне других краев наша область? – неожиданно спросил он.

– Как? – встрепенулся я. – Это зона бедствия, Федя. Может, есть места и похуже, но я таких не видал.

Ревизор вздохнул. Эх, мы с ним не виделись чуть больше года. И за это время он сильно сдал, высох, опал с лица. И в глазах появился лихорадочный злой огонек.

– Зона бедствия, – кивнул он. – В которой убиваются все добрые чувства и желание жить.

– И как до такого дошло? – спросил я. – Что, один Головченко виноват?

– В корень смотришь, Саша. Я тут уже год – и все это наблюдаю внимательно. И во всем этом компоте варюсь по долгу службы. Конечно, в деятельности государственных и партийных органов халатности, перегибов и разгильдяйства, полной неподготовленности к переменам более чем достаточно. Но так везде по стране. У нас же... Мне кажется, ситуацию преднамеренно загоняли в эту самую зону катастрофы. И одному Головченко такое не под силу. Тут, дорогой мой чекист, сила другая нужна. Тут организация требуется. Притом протянувшая везде свои ядовитые щупальца. Имеющая большие возможности. И имеющая целью довести тут все до окончательного краха.

– Даже так? – Особой склонности к фантазиям я за Федей не замечал, поэтому его слова толкали меня к тому, чтобы сильно призадуматься.

– Идет какая-то хитрая игра... Вот ты знаешь, что область передовая по зернозаготовкам за прошлый год? Вымели из закромов все. И браво отчитались. Забыв, впрочем, упомянуть про «продовольственные затруднения», которые приняли убийственные масштабы.

– Обычная практика безмозглых руководителей, живущих одним днем, – отметил я. – Вон в моей области благодаря позиции нашей службы и твердости секретаря обкома за показателями не гнались. Секретаря даже смещали ненадолго с должности, обещали под суд отдать.

Но потом вернули. И сегодня с голоду практически никто не мрет. И план по севу выполняем. Роль личности в истории.

– Вот именно! Ну, о личностях, правящих здесь, я невысокого мнения. Однако эта игра идет за их спиной, Саша. Я это чувствую.

– Да что ты заладил? Какая игра?

– Я тут начал недавно подбивать дебет с кредитом. Запросы сделал, в документах покопался.

– И что?

– А то, что львиная часть сельхозпродукции испарилась. Нет ее ни здесь, ни на союзных складах. Но где-то она есть. И объемы очень большие... И кажется мне, отлеживается это богатство у нас в области. И возникают неуютные вопросы – где и зачем?

– Та-ак, – задумчиво протянул я, ощущая, как заныло тревожно в груди. – Докладывал кому?

– Э нет. Мне моя голова дорога... Ты представляешь, вытащить такое. Да областные власти меня первого в землю заруют. А ты же все-таки столичная комиссия. Не абы кто местный.

– А фактура есть? – заерзал я на скамейке. – Документы?

– Кой-чего есть. Добью еще немного в архивах. И преподнесу тебе. Когда все закрутится – я уже в стороне буду. Никому не нужный. Может, и поживу еще, – горько усмехнулся Федя.

– Долго ждать?

– Пару дней... И позаботься о председателе. Он еще нам пригодится.

– Не забивай голову. Я позабочусь...

Хотя и не очень верил я в коварство опутавшего всю область врага, но все же прозвонил в изолятор для подследственных № 1 областного управления исправительно-трудовых учреждений и настоял, чтобы при всей его переполненности все же нашли отдельную камеру для председателя колхоза «Путь Ильича». Таковую, где его ночью ненароком не удавят подушкой и не ткнут случайно заточкой в бок.

Потом доложил о своих удивительных открытиях Русакову. Тот воспринял мою речь скептически. И с несвойственной ему неожиданной ворчливостью произнес:

– Эх, молодость и задор. Все мерещатся тайные заговоры. Все спасаете человечество.

– Если область довели до такого состояния, значит, кто-то виновен.

– Есть в этом какой-то резон, – кивнул москвич. – Ладно, покопайся в этой мусорной куче, если еще славы и почестей захотелось, орденоседец. Но только текучки с тебя никто не снимает.

– А это не текучка?

– Не, это камень посреди реки, который никуда не убежит. А текучка, вот она. Двигай-ка в артель имени Фабрициуса. Там голодные бабы бунт подняли. Всех артельных кур по домам разобрали. Милицию и представителя райисполкома хорошо помяли. И за их спиной кулаки местные маячат, до которых у нас раньше руки не дошли. Вот тебе мой указ. Выявить зачинщиков и арестовать.

– Есть! – Я поднялся со стула...

На двое суток я завис в этой артели. Ситуацию разрешили. Арестовали троих зачинщиц и двух зачинщиков из отпетых подкулачников, которым все нейдет, все хочется народ на бузу подбить. А голодный народ, особенно баб, у которых семеро по лавкам есть просят, подбить вообще легче легкого. Визг поднимут, а потом объясняй дурам, что криком и самоуправством проблему не решить... Ладно, дело сделано. Дальше пусть местные разбираются.

Вернувшись, решил приняться за «внеклассное занятие», то есть за «мировой заговор», как это определил москвич. Для начала мне нужно было переговорить с Федей, узнать результаты его ненаучных изысканий. Я направился к нему в особнячок Рабкрин, но постовой милиционер объявил, что товарищ Симонян в отъезде, а когда будет – ему неизвестно.

Ладно. Нет и нет. Значит, примемся за председателя «Пути Ильича». Ревизор прав – этот тип знает больше, чем говорит. И я примерно представляю, как будет протекать наше дальнейшее общение. Он примется выторговывать себе жизнь, чтобы его ненароком не расхлопала по делам о кулацких группировках «тройка» при ОГПУ. А этот орган, куда на сегодняшний день входили аж четверо – полномочный представитель ОГПУ, а также представители исполкома, прокуратуры и обкома ВКП(б), не славился сильным гуманизмом. Так что будет мне председатель выдавать информацию в час по чайной ложке. Ладно, не в первый раз с такими работаю. Дожму его, никуда не денется.

Я решил прозвонить в изолятор для подсудимых. Там вечно толчется милиция и мои коллеги, с допросными комнатами целая проблема, нужно заранее договариваться.

До спецчасти я дозвонился с трудом. С пятой попытки, ей-богу, дойти быстрее. Представился и попросил обеспечить условия для допроса следственно-заключенного к шестнадцати часам.

– Как фамилия? – послышался радостный голос с малоросским говорком.

– Долгушин Иван Антонович, – прокричал я в эбонитовую трубку, которая больше шуршала, чем говорила. – Числится за спецгруппой ОГПУ.

– Э, опоздали, товарищ уполномоченный, – протянул сотрудник тюрьмы с каким-то злорадством.

– Это еще почему? – напрягся я.

– Так пристрелили контру.

– Что?! Когда?

– Да намедни... Ночью. При попытке побега...

Глава 5

Начальник секретно-политического отдела областного полпредства ОГПУ Афанасий Афанасьевич Гирия был кряжистый, круглый, весомый и непробиваемый, под стать своей фамилии. Годков ему перевалило за сорок. Солидный нос картошкой и абсолютно лысая голова не красили его, но добавляли солидности. Он восседал на начальственном стуле, как на троне. Смотрел на меня свысока – мол, гусь залетный, отрывает важных людей от важных проблем. Будто это не местные товарищи проспали все дело, а это я пришел и беспорядок им устроил.

Вся история с гибелью председателя колхоза «Путь Ильича» выглядела крайне нелепо. Его первым же выстрелом снял часовой, когда он уже почти перемахнул через забор. Тому есть масса свидетелей, оспаривать сам факт просто глупо. Убит при попытке к бегству. Часовому премию в виде усиленного продпайка. И дело в архив.

Вот только вкрадывались некоторые нюансы. Чтобы повиснуть на заборе, председателю сперва надо было выйти из запертой камеры-одиночки, пройти через два коридора. Дальше, в принципе, особо изощрившись, он мог проскочить мимо часовых незаметным и выйти к забору, но для этого нужно хорошо знать все ходы и выходы. А ведь в узилище он был впервые и вряд ли мог составить его схему лишь по своим походам на допрос.

Все эти соображения я и излагал сейчас начальнику СПО.

– И как вы объясните все эти факты? – напирал я.

– А чего их объяснять? Шлепнули контру – и поделом ему. А как он на заборе оказался – так это не наше дело, – небрежно отбил мою подачу начальник СПО и откровенно зевнул. Я испугался, что он сейчас заснет.

– Так, может, контра у нас под самым боком завелась? Кто-то открыл камеру. Подставил задержанного по делу о вредительстве, а еще важного свидетеля, под выстрелы.

– Важного свидетеля, – всплеснул руками начальник СПО. – Это в чем же он такой важный свидетель, что его так изощренно убирать надо было?

– Свидетель делишек беглого завотделом обкома Головченко, – буркнул я. Мне совершенно не нравилось направление, в котором двигался наш разговор.

– Ох, сынок, не ворошил бы ты эти дела, не занимался ерундой, а больше боролся бы за революционную законность.

– В какие дела? – прищурился я.

– Хочешь честно? Вот сделали из гражданина Головченко главного злодея. Контрреволюционер, крестьянство всячески уничижал и уничтожал. Вот только область в передовые вышла при нем и благодаря ему. И по зернозаготовкам, и по охвату крестьянства колхозами.

– Да уж, видим, как вышли.

– А ты не перебивай старших. Значит, был главный партийный руководитель по сельскому хозяйству передовиком. И тут комиссия из Москвы открывает нам глаза – мол, товарищ Головченко при тщательном рассмотрении оказался врагом, плел свою вражью паутину. Только зачем врагу выполнять планы заготовок? Молчишь? – начальник СПО насупился, водрузил свои увесистые кулаки на стол и стал выглядеть где-то даже угрожающе. – Я, конечно, человек маленький и с вышестоящим начальством во всем согласный. Вот только не секрет, что товарищ Русаков, который еще недавно, до откомандирования в Москву, работал у нас начальником секретного отдела, имел большие контры с сельскохозяйственным отделом обкома... Нет, я ничего не утверждаю, сынок. Я просто не хочу в это лезть. И в огромное значение показаний застреленного председателя упадочного колхоза не верю никак.

– То есть расследовать его гибель не будете?

– Кому расследовать? Моим сотрудникам? Область бурлит. Народное недовольство растет. Кулаки вокруг. Спецпереселенцы тысячами уходят в бега. Чтобы управиться со всем этим,

мне народу в пять раз больше надо. Спасибо вам, помогаете по мере сил, хотя и местную обстановку не знаете. У меня люди с ног падают от недоедания и недосыпания. Разрываются, не в силах охватить все. Там людоедство, там крестьяне с голоду опухли, там разграбили склады. А ты мне предлагаешь комиссию создать, чтобы узнать, кто контрика хлопнул? Если делать нечего, займись. Все полномочия есть. Дерзай, сынок. Может, и нас, старых дураков, чему научишь.

– Спасибо за совет и помощь.

– Обращайся всегда. Чем могу, помогу...

Вышел я из здания полпредства злой как черт. И сильно озадаченный. Слова о том, что ситуация с беглым партийным деятелем неоднозначная и что Русаков имел раньше историю отношений с фигурантами, настораживали.

Поняв, что особой помощи ни от кого не дождешься, я все же попытался перетряхнуть изолятор для подследственных № 1. Тщательнейшим образом допросил каждого выводного и часового, дежуривших в тот день. И без какого-либо результата. В этом чертовом изоляторе всегда толкалась куча народу. И милиция, и сотрудники ОГПУ, и даже продотрядовцы, которые, как я понял, в этой области в каждой бочке затычка. И так хаотично служба поставлена, что выпустить задержанного из камеры и провести к стене, где его расхлопали при попытке к бегству, мог кто угодно. А что его подвели специально под пули – в этом я был уверен. И момент выбрали, когда у стены стоял самый внимательный, меткий и бескомпромиссный стрелок.

– Ну, забыли закрыть камеру, – пожимал плечами тюремный оперативник, который воспринимал мой визит в его владения в штыки, примерно как и начальник СПО.

– Не тюрьма, а проходной двор! – в сердцах воскликнул я.

– Вот именно, – буркнул оперативник. – У нас столько всех проходит. Кулаки, бандиты. Все не вмещаются. И так твоему председателю отдельный номер выделили, спасибо сказать должен.

– Что? – взвился я. – Спасибо? Вам! За то, что проморгали все на свете?!

– Ну, садись на мое место и не проморгай. Я за него не держусь.

В общем, поговорили. Ничего не выяснили. Я упорно наталкивался на глухую стену.

Господи, уже второй труп на моих глазах, как начали тянуть это дело. Цыпин во флигеле. Теперь этот председатель.

Я тогда еще не знал, что это лишь начало череды кровавых злодеяний. И что мое служебное любопытство и напористость лично мне стремительно прокладывали накатанную многими поколениями чересчур усердных сыщиков дорогу на тот свет...

Глава 6

Ранним утром опустились низкие серые тучи, и зарядил тоскливый мелкий морозящий дождь. Я глядел на него в высокое стрельчатое окно кабинета, когда дежурный по нашему штабу пригласил меня к телефону. Кому это я понадобился? Внутри я весь подобрался. Все телефонные звонки по сути своей тревожные. Они и звонят так грубо и громко, чтобы покоя от них не было.

– Сергеич, надо встретиться, – послышался в тяжелой эбонитовой трубке голос ревизора. – Я свою работу почти закончил. Картина, скажу тебе, удручающая.

Глядя на выразительно и нетерпеливо кивающего в сторону настенных часов Горца, я сказал:

– Сейчас времени нет. У нас выезд. В Артемьевское.

– Что, опять хлеб разобрали?

– Убили представителя власти. Разбираться будем по всей строгости. Приеду – позвоню.

– Не затягивай, – с какой-то тоской произнес ревизор.

Мы заехали в областное полпредство, где нас на площади, прямо перед главным входом, уже ждал строгий, в возрасте, местный уполномоченный в военной форме. Здесь же собрались приданные нам в усиление добры молодцы из продотряда. Притом возглавить их взялся сам его командир и старый большевик товарищ Лифшиц, который был все в той же укороченной шинели и папахе не по стремительно теплеющей весенней погоде. Несмотря на солидный возраст, его хитрые глаза светились юношеским задором и энтузиазмом.

– Сейчас встряхнем Артемьевское хорошенько, товарищ Большаков, – пожимая мне руку, с воодушевлением произнес он. – Зарекутся впредь бунтовать, сукины дети! Верно, Тимошка?

– Ваша правда, товарищ Лифшиц, – подобострастно закивал Тимошка, тот самый долговязый парнишка, который, как я понял, являлся осведомителем Русакова и подсветил нам на днях тот злосчастный флигелек с тайником и врагом народа в комплекте.

Все забились в наш автобус. До цели добирались часов пять. Наш шофер петлял меж лесами, полями и озерами, видимо, впитав всей душой народную мудрость: «Напрямик ближе, а кругом скорее».

А на меня напала какая-то бескрайняя русская тоска. Мелкий дождь продолжал моросить, размывая контуры и смывая четкость мира. Раскисшая почва грозила засосать в себя деревеньки и села, дома и церквушки, мимо которых мы с трудом продвигались через уныние русской распутицы к своей цели.

С ситуацией по прибытии на место разобрались достаточно быстро. Благо из селян никто ничего не скрывал, а партийцы и сельсоветчики активно нам помогали. Сама история была по нынешним временам вполне обыденная. Собралась так называемая волынка – сборище селян с целью растащить зерно и скот. Обычно такие выступления состоят из столпотворения, агрессивных криков, попыток завладения колхозным имуществом и обвинений властей в том, что морят народ голодом. После приезда представителей власти и проведения агитационной работы ситуация чаще всего рассасывается. Правда, иногда попутно набьют членам колхозного правления или районному начальнику морду, но то не со зла, а крестьянской справедливости ради. Но здесь вчера прогремели выстрелы. Сотрудник милиции был ранен, исполкомовец убит. Уже задержаны наиболее активные крикуны.

Проблем установить, кто стрелял, не было. Сами же крикуны, перепуганные таким оборотом дела, по жизни больше бузотеры, чем антисоветчики и подкулачники, тут же и сдали убийц.

– Так то братья Прокоповы! Кулацкие морды! А мы на пальбу не подписывались! Нам бы только покричать за правду! – выдал главный бузотер – босяк и горький пьяница, которого я допрашивал в выделенной нам для работы сельской избе-читальне, заполненной столами со стульями, лавками, книгами и газетами.

– Где их искать? – спросил я.

– Так все знают – на Ближних болотах они хоронятся. А там искать пользы нет. Там такие болота, что только утопнешь, но ни в жисть ничего не сыщешь.

Обшаривать болота – задача не столь сложная, сколь совершенно неподъемная. Как пояснили местные, там армию Деникина можно спрятать. Значит, надлежало найти тех, кто покажет нам логово убийц. Ведь наверняка они держат связь с местными. Хотя бы для того, чтобы завести народ на волынку и в ее ходе подстрелить пару «краснопузых большевичков», как они нас называют.

И как найти эту связь их? Мы все думали-гадали, как будем опрашивать людей, вычислять. Все это долго и кропотливо. Но тут Лифшиц нас успокоил:

– Сейчас вмиг организуем.

– Каким образом? – заинтересовался я.

– Да дело нехитрое. Подход надо знать.

Он тут же пнул сельсоветских, чтобы те организовали сход на центральной площади села, рядом с церковью. Явка обязательна.

Народу там собралось полно. Все пространство было заполнено. А из-за церковной ограды на все это мрачно взирали одетые во все черное поп с попадьей и подьячим.

Лифшиц закатил пространную и простую, как пять копеек, речь, сводившуюся к тому, что за колхозами будущее, кто хочет жить достойно – будет их крепить, а кто не будет крепить, тому и жить незачем. Потом потребовал выдать кулаков и их пособников, совершивших убийство. Народ что-то вяло прокричал – то ли одобрительное, то ли ругательное. Никто никого, конечно, не сдал. И я даже не понял, зачем все это представление. И как оно служит нашей благородной цели.

Но, сойдя с подводы, служившей ему трибуной, Лифшиц о чем-то пошептался с местным партийцем, который с самого начала помогал нам. А потом подошел ко мне и Горцу и сообщил, все с тем же хитрым ленинским прищуром:

– Голову на отсечение даю, это они связь держат.

– Кто они? – не понял я.

– Да две бабы те, – пояснил туманно Лифшиц.

– Кукуевы. Мать и дочь, – добавил стоящий рядом партиец.

Оказалось, Лифшиц с трибуны не столько пропагандировал за светлую колхозную новь, сколько всматривался в селян. Хотя и было их немало, но опытный взгляд сразу вычленил нескольких. У кого морды сытые. Кто злобно смотрит. Кто нервно реагирует на призывы найти и покарать скрывающихся кулаков. И вычислил этих двух вполне ладных бабенок, лица которых были напитаны высокомерным презрением к происходящему. Они невольно дергались, когда оратор пылко обещал найти и покарать подлых убийц. А главное, на фоне царившего на селе жестокого голода, когда селяне едва ноги таскали и с трудом добирались до поля, чтобы из последних сил сеять хлеб, эти две выглядели достаточно сыто.

– Сытая харя на селе сегодня – это по большей части враг, – поведал Лифшиц простую истину. – Честный крестьянин преодолевает через колоссальные усилия продовольственные трудности. А враг жрет заныканное от советской власти.

Партиец подтвердил подозрения Лифшица. Пояснил, что ходили слухи, будто эти две бабы с кулаками блудят. Хотя и состоят в колхозе, но работают спустя рукава, трудодни не шибко наработали. Значит, кто-то их подкармливает.

– Будем проверять, – многообещающе произнес я.

И мы всей толпой отправились к Кукуевым.

Изба у них была просторная и очень чистая, располагалась совсем недалеко от избы-читальни. Досталась она старшей Кукуевой от скончавшегося где-то на отъездных приработках зажиточного мужа.

Тут опять проявили себя продотрядовцы – все же профессионализм есть профессионализм. За каких-то полчаса рядом с участком нашли хорошо спрятанную яму с зерном и картошкой. Притом запасы были приличные, хватило бы, чтобы пережить голод, десятку человек.

– От кулаков подарок? – спросил я, в упор разглядывая смиренно сидящих на лавках в избе, положив руки на колени, двух крупных, веснушчатых, на лица симпатичных женщин, похожих друг на друга. Только одна была старшая, другая – младшая. Мать и дочь Кукуевы.

Призывы к совести и угрозы отскакивали от них, как охотничья дробь от танковой брони – вроде и шуму много, но не пробивает. Они даже не удосуживались отвечать. Смотрели куда-то вроде и на нас, но мимо нас. Только старшая Кукуева все время отрицательно качала головой.

– Не говоришь, ну и ладно, – махнул рукой Лифшиц. – Сейчас снова сход на площади соберем. Покажем, сколько ты зерна наворовала у государства и колхоза. Да и поедем к себе домой. А вас, девоньки-красавицы, здесь оставим. Селянам объясните, как рачительно хозяйство надо вести, чтобы столько зерна намолотить.

Старшая побледнела. Она отлично знала, о чем идет речь. Наслышана о вспыхивающих везде самосудах, когда за горсть зерна готовы забить насмерть, не то что за несколько пудов. И примерно представляла, как спичкой вспыхнет народная злость и как их будут рвать на куски. Тем более на селе их не любят, а защитить теперь некому, потому как единственный милиционер в больнице после волынки, а ОГПУ сейчас уедет.

– Так что давайте по-хорошему, – продолжил Лифшиц. – Мы тихо зерно оприходуем и вас в покое оставим. А вы нам стежку-дорожечку к Прокоповым укажете.

Старшая Кукуева напряженно задумалась. А младшая, осознав неладное, со всей своей девчоночьей дурью отчаянно заголосила:

– Нет! Они хорошие!!!

Понятно, тут дело личное и сердечное. Притом и у мамыши, и у дочери.

Я велел дочку вывести во двор. А сам придвинулся к ее матери.

– Ну, голубушка, ты же повзрослее и поумнее дочурки будешь. Понимаешь, что не стоят эти кулацкие выродки того, чтобы вас на части селяне порвали. Братья же к вам как к полезной скотине относятся, – забросил я удочку и попал в точку – женщину аж передернуло. – Давай говори, где они?

– На Ближних болотах, – глухим голосом произнесла женщина.

– Болота большие. Покажешь?

– Покажу.

Вскоре наш отряд выдвинулся в болота. Уже вечерело, но до заката должны управиться.

– ОГПУ, не лезь вперед, – сказал мне Лифшиц, преисполненный энергии боевого задора. – Тут наши места. Мы их отлично знаем. И с кулацкой мордой обращаться умеем.

Я не возражал. Раз в кои веки кто-то кроме меня изъявил желание идти в авангарде. А мы не гордые, в обозе поскучаем.

На место добирались недолго, но такими хлюпающими болотными тропами, что без проводницы не прошли бы никогда. Наткнулись на внезапно выросший в трясине остров, на котором за кустарником был различим грубо сколоченный сруб.

Продотрядовцы лихо рванули вперед. Послышались крики. Хлопнула пара винтовочных выстрелов.

Когда я ступил на остров, рядом со срубом мордой в землю лежали двое кулаков – не подстреленные, но прилично побитые. Рядом с ними валялись их обрез и винтовка Мосина – теперь это наши трофеи. Еще интереснее трофеи были в захоронке.

– Пудов пятьдесят будет, – оглядывая залежи зерна, оценил старый большевик Лифшиц. – Как только через болота протащили.

– Своя ноша не тянет, – хмыкнул долговязый продотрядовец Тимошка.

Наползла темная ночь с узким серпом луны и иглами звезд на черном бархате неба. В избе-читальне я допрашивал задержанных. С глазу на глаз, очистив помещение ото всех посторонних. Это мое правило – чем меньше ушей, тем лучше. В таких вот допросах и разговорах иногда удается узнать нечто важное, что может явиться козырем при определенных условиях. Да и вообще, задушевный разговор – одно из самых эффективных видов оружия у оперативника. Правда, особой задушевности тут ждать не приходилось. Братья были бородатые, тучные, сытые и крайне озлобленные.

Таиться они не стали. Даже с какой-то гордостью пояснили, кто из них в кого стрелял, добавив, что об одном жалеют – мало красной сволочи положили. А чего им стесняться? Прекрасно понимали, что за эти художества наказание одно – исключительная мера социальной защиты, то есть расстрел.

Я заполнил протокол своим почти каллиграфическим почерком и дал прочесть старшему брату. Тот был грамотен, но читал с напряжением, повторяя слова шепотом. Потом кивнул и расписался аккуратно и коряво, макнув перо в чернильницу.

– Эх, паразиты вы, – вздохнул я. – Ничто вас не исправит. Жируете на болотах, когда народ мрет.

– Мы паразиты? Кто тут паразит – так это ваш партийный начальник Головченко. Вот кто с народа три шкуры умел содрать!

– А ты никак народ пожалел?

– А чего его жалеть? – махнул рукой кулак. – С него все шкуры дерут. И царь драл. Теперь вы дерете.

– И вы.

– И мы... Поэтому не надо словом обидным кидаться.

– Мы ошибки признаем. И Головченко теперь враг. Скрывается, но мы его найдем.

– А чего его искать? Вон давеча мы его в овраге у Валеевки видели. Хотели взять его живьем и поспрошать о жизни, да он револьвер вынул... Не решились...

– И знаете, где он хоронится? – напрягся я.

– Да кто ж его поймет. Там чащи знатные. Так же надежно, как и на наших болотах, можно захорониться...

Вот это новость. Вот тот самый козырь, на который я надеялся.

– Ты только об этом не трепи особо, – предупредил я. – А мы разберемся.

– Да больно надо, – презрительно фыркнул кулак.

Значит, Головченко из области не съехал. И отирается где-то здесь неподалеку. Это уже само по себе открытие. Теперь надо тщательно продумать, как отработать эту информацию, как организовать мероприятия по задержанию. Широким фронтом тут не поперешь во избежание саботажа и утечки информации. Надо как-то аккуратнее. Тихо напрячь агентуру. Может, ловушку какую заковыристую устроить.

Я улыбнулся, представив, как вытянется высокомерная физиономия начальника СПО Гири, когда заезжие умники выполняют его работу.

Главное – ее выполнить...

Глава 7

В город мы вернулись следующим вечером. Пропыленный, стойко выдержавший дальнюю поездку автобус устало застыл во дворе. А мы с Горцем направились в особняк. Такова уж натура человека – даже временное пристанище мы воспринимаем как дом и возвращаемся в него, словно в надежную и спокойную гавань.

Просторное помещение, прозванное нами «бальным залом», служило и комнатой для общих совещаний, и местом досуга. Сейчас там чаевничали пятеро наших боевых товарищей. В группу собрали людей с самых разных концов страны – и из города Горького, и с Урала, и с Чернигова.

Нас тут же пригласили за стол. Уралец поинтересовался:

– Как прокатились?

– Да нормально, – ответил я, устраиваясь поудобнее на венском стуле. – Террористы в камере в Ольшанском райцентре. А мы здесь. Живые.

– Со стрельбой брали?

– Не без этого. Продотрядовцы Лифшица хорошо поработали. Мы только в сторонке, как в театре, поскучали, зевающими зрителями.

– Продотряд. Умелые ребята, – оценил уралец.

– А вы где подвиги совершали? – спросил я.

– Терницкий район. В колхозе «Безбожник» кулацкие великовозрастные детишки спалили колхозный сарай и помещение сельпо. Порезали пять колхозных лошадей, молотильную машину в овраг выбросили. В общем, погуляли на всю катушку. Мы их оформили как группу вредителей.

– Вредитель. Гнусное племя! – горячо воскликнул Горец. – Чужой труд не уважать – это в себя самого плевать.

– Да они и тебя, и себя обплюют – и не поморщатся. Ни совести, ни понятия о правде жизни. Только злобное желание навредить побольнее и посильнее, – резонно заметил уралец.

Чаепитие было скромное, без разносолов. Сложились, кто чем мог. Кто-то выложил галеты из пайка. Кто-то нашел леденцы и сахар. Черниговец привез с собой из дома абрикосовое варенье, которым делился со всеми, правда, в микроскопических порциях – ему бы аптекарем работать.

В желудке бурлило. Хотя грех жаловаться. Нас еще более-менее снабжали. Беспокоило, как там жена с маленьким сыном. Но тут мои ребята обещали позаботиться. Как в ресторациях питаться не будут, но и с голоду не опухнут.

Обстановка за столом была домашняя. За два месяца в Нижнепольске мы сумели крепко сдружиться. Иначе солдату нельзя. Нужно чувствовать надежное плечо боевого товарища рядом.

– Представляешь, фуражку на него надели и у трапа поставили. А тут проверяющий. А темно. Он и говорит... – загибал Вася Говорун одну из своих бесчисленных моряцких историй, почерпнутых во время службы в торговом флоте, на этот раз про медведя на пароходе. Загибал умело, смеялись все. Но постепенно разговор привычно скатился к положению в стране.

По рассказам парней можно было примерно представить географию бедствия. Где-то ситуация была вполне терпимая, вроде моей родной области. Где-то было совсем плохо, как здесь. Как я и ожидал, хуже всего пришлось Украине. Оно и понятно. Еще когда в позапрошлом году внедрялся там в антисоветское подполье, я прогнозировал, что дело кончится большой бедой с учетом царившего в республике самодурства исполнительной власти, приправленного национализмом. Ну а также в связи со склонностью населения к анархии, его удивительного

куркульства и тупого упрямства. Соппротивление коллективизации там было очень сильное. Былой бандитизм мы переломили, но не до конца.

– Вот зла не хватает на куркуля! – возмутился черниговец. – Бьемся с этой темной крестьянской массой. Трактор привели на поля! Школы и больницы строим! А они нам все в спину стреляют. И народ все кулака с попом слушает. И что, долго так будет? Не сломаем их?

– Ломать не строить, – благоразумно отозвался горьковчанин, самый рассудительный и старший из нас, он же наш временный парторг и главный агитатор. – А ты не думал о том, что в России две России? Городская и крестьянская. Первая – это устремленность в будущее, промышленность, государственное управление. Вторая – земля и традиции. Традиции порой прекрасные, а иногда дремучие и жестокие – когда хитрое дело решат всем миром по совести, но и за свое вилами проткнут без раздумий. И так уж выходит, что эти две России никак не могут жить друг без друга, но при этом всегда стараются выехать за счет друг друга. И взаимных обид накопилось немало.

– Ну да, – кивнул я. – «Государство всегда против крестьянина», – говорит крестьянин. «Куркуль будет сидеть на зерне и не поделится с умирающим, пусть хоть все вокруг с голоду сдохнут», – резонно отвечает горожанин. Так и живем.

– Но так жить дальше нельзя, – возразил горьковчанин. – Смычка между городом и деревней, как учит партия, – это наше будущее. Когда каждый гражданин на вопрос о том, кто он, ответит, что он советский человек. Нас всегда разделяли. А теперь пора и объединяться. Цели-то грандиозные. И врагов у нашей страны не счесть. Мы большевики, братцы. Так что и голод переживем. И куркуля из деревни изживем...

Наш интеллигентный диспут варварским образом прервал часовой. И обращался он лично ко мне:

– Александр Сергеевич. Там какой-то гражданин. Вас спрашивает. Говорит, ревизор Симонян его послал.

У меня екнуло сердце. Неожиданно как-то это. И чего, спрашивается, Феде понадобилось на ночь глядя? Правда, мы с ним договаривались встретиться, но не при свете же луны. Хотя он такой человек. Из-за пустяка поднимать шум не станет. Значит, что-то стряслось.

– Уже иду. – Я поспешно поднялся.

Часовой остался в помещении на входе, сторожить свой пропускной пункт. А я неторопливо и солидно, как и положено уполномоченному, спустился по широкому купеческому крыльцу на мостовую.

Улица озарялась неверным скачущим светом керосиновых фонарей, которые исправно зажигали каждый вечер. Электричества не хватало на весь город, потому некоторые места освещались по старинке, керосином, а в большинстве мест и этого не было. Я разглядел сгорбленную темную фигуру в коротком пальто, прислонившуюся к афишной тумбе с рекламой гастролирующего одесского театра.

Человек заметил меня и двинулся в мою сторону вихляющей походкой. Был он невысокий и на редкость нескладный – криворукый, кривоногий, перекосившийся какой-то. Он задержался на грани, когда человек выглядит уже сильно удручающе, но пока еще не окончательно уродливо.

– Пошли, товарищ начальник, – заговорщически, на редкость густым и мощным голосом произнес он, приблизившись на расстояние вытянутой руки. – Федор Михайлович ждет.

– Что ему понадобилось? – поинтересовался я.

– Дело, говорит, тайное и личное.

– А ты сам-то кто будешь?

– Да на подхвате у него. Со снабконторы счетовод. Гоняет меня в хвост и в гриву, но я не в претензии. Человек он важный и ответственный... Ну, пойдем, пойдем...

Не понравился этот тип мне сразу. Говорил он быстро и напористо, как будто забалтывал, не давая вставить словечко.

Я шагнул за ним. И слегка притормозил. Вся ситуация меня настораживала. Ну не якшается Федя с такими. И тем более не гоняет людей в хвост и в гриву, прикрываясь тем, что он важный человек. Не в его характере. Конечно, всяко бывает. Однако...

И вдруг меня как молнией осветило и озарило. Кривой! По описаниям ровно тот самый, о ком говорил ныне убиенный председатель «Пути Ильича». Очень похожий тип приезжал по поручению Головченко грабить колхоз.

– А ну стоять! – Я шагнул к Кривому и крепко схватил его за локоть.

И тут же прогремел выстрел со стороны овощных складов...

Глава 8

Показалось, что пуля взъерошила мне волосы. Я невольно отступил на шаг. Воспользовавшись моим замешательством, Кривой ловко вырвался из моей хватки и бросился прочь.

У меня же сработал рефлекс – быстро двигаться под обстрелом, не давая противнику прицелиться, и искать укрытие, иначе не выживешь.

Рванул я в сторону вовремя. Прозвучал еще один выстрел, и я засек в темноте вспышку. Били со стороны сгоревших три года назад и с того времени все готовящихся под снос бывших нэпманских овощных складов.

В моей руке уже чернел наган. Я навскидку выстрелил в сторону противника. Понятное дело, ни в кого не попал – расстояние под сто метров, тут мой револьвер бесполезен, а в меня били из винтовки.

Из особняка выскочил часовой. Надо отдать ему должное, сориентировался он быстро и тут же начал палить из «мосинки» в сторону развалин. Оттуда не отвечали.

Кривой удирал вполне бодро, немножко прихрамывая.

– Стоять! – заорал я и нажал на спусковой крючок.

До него уже было далеко. Но, кажется, я попал. Во всяком случае Кривой притормозил, схватился за ногу. Но тут же припустил еще быстрее и нырнул за покосившийся забор складов. Шустрый, сволочь. И быстрый, как спортсмен-легкоатлет. Но жизнь заставит – еще и не так разбежишься.

Из особняка выскочили мои коллеги с оружием.

– Вперед! – азартно крикнул Горец, душа которого рвалась на лихую сечу.

– Стоять! Все в дом! – охолонил я соратников.

Лезть в темноту в развалины, где и днем черт ногу сломит, – это сильно сомнительный план. Хотя я и был уверен, что нападавшие улепетывают со всех ног, но это только мои предположения. Может, они выманивали нас и подготовили сюрприз. Тем более для полноценной блокировки местности наших сил явно не хватало.

Так что мне оставалось только накручивать диск телефона и орать в трубку: «Нападение на спецгруппу ОГПУ».

Через четверть часа появился грузовик с бойцами отдельного полка войск ОГПУ, дислоцировавшегося в городе. Прибыл на своей легковушке с откидным верхом и сам его командир по фамилии Шалашов, бравый, с орденом Красного Знамени на груди и шикарными буденновскими усами на лице.

Надо отдать ему должное, ситуацию он оценил моментально. Умело организовал блокирование и прочесывание местности, правда перед этим честно объявив:

– Только там никого нет! Они давно по щелям разбежались, как кухонные тараканы.

Бойцы рассредоточились, а Шалашов, еще раз расспросив меня о происшедшем, ненадолго задумался. А потом отметил:

– Похоже, за тобой приходили, уполномоченный. Может, придут снова. Так что усилить надо охрану вашего дворца. Одного балбеса с ружьем на воротах явно недостаточно.

– Почему балбеса? – возразил я. – Ваш боец отважно показал себя.

– Объявим благодарность, – кивнул комполка. – А ты поостерегись. И подумай на досуге, почему именно тебя хотели пристрелить. Чем и кому ты помешал?

– У нас работа такая – всем мешать.

– Но чтобы засаду устраивать – это ты кого-то или хорошо обидел, или кто-то тебя сильно боится.

Тут меня будто обдало ушатом холодной воды. За этой суетой и стрельбой я упустил нечто важное. Я застыл и уставился вдаль. И, к ужасу своему, различил, как на севере города вздымается зарево.

Шалашов обернулся и посмотрел в ту же сторону. Недовольно произнес:

– Что за ночь! Похоже, там пожар.

– Похоже, – кивнул я. – Доскочим туда?

– Ты еще и пожарный? – усмехнулся командир полка.

– Да есть одно опасение. Это очень важно.

– Ну если важно, тогда прошу пожаловать на борт, – кивнул командир полка в сторону своей машины.

Опасения мои оказались верными. Когда мы подкатили к месту пожарища в районе недалеко от речного порта, там суетился окрестный народ и стояла пожарная машина, поливавшая водой остов деревянного длинного здания, от которого остались одни головешки.

И что это за здание – я знал отлично. Это был филиал городского архива. Тот самый, где последние дни безвылазно провел Симонян, выкапывая в документах что-то очень нам нужное.

Сердце мое болезненно сжалось. Эх, не дай бог... Хотелось надеяться на лучшее, но вот только уверен я был в худшем...

Глава 9

Огонь. Стихия, которая все сметает, уничтожает и обнуляет. Сгорело здание архива. Сгорели документы по продзаготовкам. И сгорел Федя Симонян.

На пепелище нашли обгоревшее тело. Впрочем, обгоревшее не настолько, чтобы не опознать в нем ревизора. И достаточно уцелевшее, чтобы не только установить причину смерти, но и характер, количество проникающих колото-резаных ран.

– Не меньше двадцати ножевых, – подвел итог старомодного вида, с бородкой и в очках, судмедэксперт, закончив в судебном морге разбираться с телом и выйдя из прозекторской.

– Зачем бить два десятка раз ножом? – спросил я хмуро.

– Ну или убийца несдержанный и нервозный человек, или очень сильно ему жертва насолила, – предположил судебный медик.

– Насолила, – кивнул я.

Русаков был сильно встревожен произошедшим. И, не откладывая дела в долгий ящик, устроил в нашем штабе срочное совещание в узком кругу, пригласив туда уже знакомого мне, и далеко не с лучшей стороны, начальника СПО области Афанасия Гирию.

Свое недовольство тот начал демонстрировать уже с порога.

– Пользуешься московским положением, – криво усмехнулся он, располагаясь на стуле напротив начальственного стола. – К себе на ковер дергаешь. Заставляешь скрипеть старыми костями.

Русаков, как обычно, был спокоен и даже весел, но в глазах мелькали нехорошие всполохи.

– Ну что ты, право, Афанасий Афанасьевич! Какой ковер? Пригласил тебя в гости, как встарь. Чтобы по-дружески поинтересоваться – что тут у тебя творится, черт побери?!

– А что тут у меня творится?

– Да ничего особенного! Просто сожжен архив с важными документами. Убит ответственный работник Рабкрин. Террористы творят что хотят. Я как-то социалистическую законность и революционный порядок иначе себе представлял.

– Законность – это к прокурору. А поджог архива – это к уголовному розыску. Там мотив может быть любой. В том числе бытовой. Повздорил ревизор с кем-нибудь, даму сердца не поделили. Этот кто-то от избытка чувств и кипения страсти нанес два десятка ножевых ударов. Террористы так не убивают. Так убивают на почве взаимной ненависти. Ну и подожгли с горя архив для сокрытия следов. Это угрозыск пусть копает. Они в таких делах большие доки. Нам с ними на этом поле не соревноваться.

– Эка складно вещаешь, – прищурился недобро москвич. – А что в это же время на моего сотрудника было совершено покушение. Это не ЧП?

– Ну и что, покушение? Сейчас столько народу с нами посчитаться хотят. Вон на моих людей тоже покушение за покушением. У меня только за год трое уполномоченных ранено и двое убиты кулацкими выродками. И ничего. Работаем. И давим контру. А излишне впечатлительным у нас не место.

– Я что-то не понимаю, товарищ Гирия. Вы что, отказываетесь работать по этим делам? – сухо поинтересовался москвич.

– Я? Отказываюсь? Просто нет смысла брать их в наше производство. А так осведомителей и агентов ориентируем. Актив напряжем. Все сделаем как надо.

– Ну просто бальзам на душу пролил, – умилился Русаков. – Только бутылочка с бальзамом маловата.

– Иван Афанасьевич, ты прекрасно знаешь, какое положение в области. То, что произошло, – оно уже в прошлом. Надо в будущее смотреть. А оно у нас пока что беспросветное.

И опять пошло нытье – людей нет, оторвать ни от какого дела не можем, но окажем всяческую помощь, содействие и сочувствие. В общем, с чугунной непосредственностью Гиря нам объяснил, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, как написано в любимых мной «Двенадцати стульях». И если московской бригаде хочется себя обезопасить, то тут уж она сама о себе обязана позаботиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.